

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ДУШИ

МЕДИТАТИВНАЯ ПОЭЗИЯ

ТАЙНЕ ЖЕНСТВЕННОГО

*Теперь ты будешь в каждом трепете:
во взмахе птичьего крыла,
в дрожаньи веток в гулком дереве
в размахе дней – в колокола!*

*Теперь ты будешь в каждом шорохе
опавших листьев у оград;
шагов нечетких, что за шторами,
моих движений наугад.*

*Теперь ты будешь в мире тайного,
неясным знаком на Земле:
в особняке звонка трамвайного,
в пространстве камня иль в стекле.*

*Теперь ты будешь в мире вечного,
непоправимого в судьбе.
На стыках Прошлого и Встречного
я буду помнить о Тебе.*

МЕЛАНХОЛИИ

ОСЕНЬ

Осень! Осень!
Что с нее спросишь?!
Пришла – посмотрела,
тополя раздела,
под окном расселась.
Ждет-пождет.
Чего дожидается?
Всё на свете кончается,
всё на свете пройдет!
От меня до сосен
журавли прощаются...
Говорят,
это дивная осень!
Дай,
          думаю,
                          выгляну.

Как я много потерял навсегда!

Между нами города

и года.

Не поверишь никогда,

что так близко живем,

никогда!

Всё пройдет,

как стук колес,

не беда.

Мимо дома всё идут поезда...

поезда

через меня

и тебя.

О ШОКОЛАДЕ
(акмеистическое рондо)

Наши речи – неконкретны.

Наши чувства – синева.

Шоколадные конфеты.

Шоколадные слова.

Ты любительница клада

шоколадного добра.

Пропиталась шоколадом

наша взрослая игра.

Я душою не из жадных:

помнишь, были мы вдвоем,

рассказал о шоколаде,

как о чем-нибудь своем

Угощайтесь шоколадом.

Будьте счастливы сполна!

Я хочу, чтоб всех шатало

не от ветра и вина!

И чтоб пьяная шарага

не дурачилась, оря:

"Шоколада, шоколада,

шоколада ты моя!"

Шоколадные соблазны...

Им не надо потакать.

Они с виду шоколадны,

а на деле:

па –

то –

ка!!

Жизнь прожить не с шиком надо,
чтоб болела голова.
Съешь кусочек шоколада
каждый день, а то и два.

И когда за всю малину
расплатиться я пойду,
положи мне на могилу
шоколадную плитку.

МУЗЫКАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

Музыкальное училище.
Скрипки тихий голосок.
Это – тайное чистилище.
Это – мартовский ледок.

Незатейливое зданьице:
окон пару – на луну!
А в душе твоей останется
мир, звучанием в струну!

Ты стараешься и мечешься,
с кем-то любишь поворчать,
а вот звуками просветишься
и так хочется молчать.

И уже за поворотами,
там, где зданьице, – свечой,
с клена веточку морозную
ты подынешь, как смычок.

ФАЛЕС МИЛЕТСКИЙ

Первоначало – вода

Он вставал и видел море,
солнцем утренним согрето.
Оставался с кем-то в ссоре –
бушевало море это.

Засыпал и видел – море.
Просыпался до рассвета.
А на всем земном просторе:
море древнего Милета!

Из чего всё происходит?
Отчего любовь и горе?
Солнце на море восходит
и уходит тоже в море.

Был огонь. Была и суша.
Мог принять и то, и это;
но когда волнует душу
море древнего Милета!!

Жил мудрец и понял вскоре,
что вода всему начало.
Жил мудрец, как капля в море.
Море есть, его не стало.

И в любой из точек света
изо всех его историй
вспомнят эту: из Милета...
из воды всё...
жил – у моря.

УТЮГ И ЧАЙ

Уже стемнело. Дождь утих.
Я верю каждому звучанью.
Чуть сыро... греется утюг
и пар идет из чашки чаю.

Мгновенна жизнь. Душа тонка,
и человек, как капля в мире;
и два чуть теплых огонька
в иную пору смысла шире.

Сидишь... то вспомнишь о пурге,
о бедных путниках, с печалью,
о том, что ты при утюге,
что ты при полной чашке чаю.

А то припомнится слуга,
лакей, забившийся в лачужку,
готовый выть от утюга
иль от сознания о кружке.

Или уловишь жизнь на слух,
что без тепла и без привета,
что без огня, а ты – при двух,
гляди: и то тебе, и это.

И сладко... греет утюжок
и чашка круг свой очертила,
и мир есть сжавшимся в комок,
и два огня, как два светила!

ЛЮБЛЮ СЕНТЯБРЬ

Люблю сентябрь... не так уж чтобы...
а, впрочем, все-таки люблю.
Люблю в те дни, когда протопят,
в холодных печках, что в углу.

Люблю смотреть, когда над хатой
(еще не с газом, а с углем)
бежит от жизни дым мохнатый,
который прежде был огнем.

Люблю свой дом; бывало, сядешь,
и сядешь правильно, – к огню;
а с чувством все-таки не сладишь,
перебираешь жизнь по дню.

Перебираешь, переспросишь
за всё, что было, всё, что есть;
перегадаешь, в печь подбросишь,
лишь поудобней надо сесть.

Поразмышляешь и о жизни,
о том, что есть какой-то смысл;
о том, что вырос на отчизне,
определенных слов и числ.

И дней начальных, дней последних
коснется мысленно рука...
и приглянутся два соседних
и параллельных два дымка.

АРТЕМУ СКОРИКОВУ. ЯКУТСКИЙ КРАЙ.

Январский день. По улице идешь,
как в чьей-то незаконченной картине.
Свернешь налево, вправо повернешь, —
и нет конца, ни мысли о кончине.

А ты живешь, забившись в уголке
такой страны, прекрасной и широкой,
и видишь жизнь в горящем уголке,
иные — лишь помешивая оком.

И там, в уме, созвездья начертав
и брэнной жизни выяснив причины,
ложишься спать и мыслишь: «На черта
вся эта жизнь и все ее пружины?»

И в сладкий сон поэзию внеся,
от праздных отказавшийся прогулок,
сознание гасишь... и планета вся
спешит туда, как в тесный переулок.

*****

Зима... играют Паганини...
У печки тихо и светло.
Забот житейских нет в помине.
Дороги снегом занесло.

Часы вращаются со скрипом;
и мысль доходит до угла,
что мир есть вынутая скрипка
из очень старого чехла.

ТАМ, ЗА УГЛОМ

Выложен день из холодного камня.
Хмурые дети играют в песке.
Вышла соседка, всплеснула руками,
проговорила: "Как будто в мешке".

Каменный блеск в ее низеньком росте.
В складках морщин – забобонная жизнь.
Тихо грущу и не радуюсь гостье.
Праздную: *Средневековье Души!*

Там, за углом, облетают каштаны.
Мокро горя, убегают глаза.
Там, за углом, тайно светятся камни.
Так ты ушла, ничего не сказав.

Острая пыль мне под ногти забилась.
В лирику вторглось нахальство машин.
Там, за углом, тишина отдолбилась,
старой соседке прибавив морщин.

Вышла соседка, о прошлом всплакнула;
Старый свой плат завязала узлом.
Там, за углом, словно жизнь промелькнула.
Там, за углом...

за углом...

за углом...

НОЧНОЙ ПОЕЗД ИЗ РИГИ (триптих)

1. Отъезд

Я уезжал тогда из Риги
и видел море всё до дна;
и даль, качнувшуюся в миге,
из тьмы вагонного окна.

Я засыпал... а за ночь вырос
покой и город из огня.
Я увозил с собой из Риги
ту даль и море из окна.

Я спал; и слышал, как стучали
колеса, – чудная волна.
И две слезы в глазах стояли:
та даль и море из окна.

Затем я вышел на вокзале,
и с глаз слетела пелена...
но жили – где-то за глазами! –
та даль и море из окна.

2. Ты. Твои волосы

(портрет)

В холодном пальтишке осеннем
была ты, как тонкая дрожь.
Волос твоих черное сено
спадало, – лица не найдешь.

Я помню, как ты целовала
и вслух говорила слова,
и губы, как горсть с сеновала,
мне в крепкие губы стлала.

Я помню твой сдержанный голос
и дождь, зарядивший с утра,
и ночь эту тоньше, чем волос,
и тихое слово: "Пора".

Прощай же, прощай, моя радость,
мой ангел и мой приговор!
А жизнь?.. это только бравада...
Волос твоих странный пробор.

3. Воспоминание

Дождь прошел. Я выглянул в окно.
С мокрых крыш былое долетало.
Думал я; а в памяти – одно:
как стоял один я у вокзала.

Как потом тошнило от езды,
от любви и общего вагона;
как всю ночь качало от звезды,
от звезды до низкого перрона.

Как лежал я, тело пригвоздив
к неудобной полке деревянной;
ворошил из мыслей, из гвоздик, –
всё, что было в памяти недавней.

Дождь прошел... а всё ж не отлегло,
словно душу выскребло из тела.
Дождь прошел, и сделалось светло.
Боже мой, так что же ты хотела?!

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ
(пейзаж в желтом)

Желтеет, как пламя, листва;
а птицы летят по стране...
а я забываю слова
на дальней чужой стороне.

А я забываю о том,
что раньше терзало меня:
про синие ночи вдвоем,
про ясные дольки огня.

Желтеет и дым над водой,
и небо, опавшее в ней,
и Ты, и звезда над Тобой,
и целое море огней.

И воздух, что также весом,
как в те незабвенные дни...
а я забываю о том,
а я забываю о них.

Желтеет, как память, листва...
Сменяется лист за листом.
К зиме – не узнаешь леса.
В любви – понимаешь потом.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

В эту ночь, перед Пасхой,
я ласкаю тебя
самой грешною лаской
от рожденья Христа.

Я беру твои руки
и целую в уста.
Не за эти ли муки
и распяли Христа?

Это тело Христово...
эти церкви в глуши...
Я шепчу тебе Слово
о спасеньи души.

И сливаются губы
во всеобщую плоть,
где Бетховен и Врубель,
где Эйнштейн и Господь.

Мы лежим без покрова, –
совершенно наги,
словно церковь, которая –
Покровá–на–Нерли.

Этот мир – иероглиф;
он и грешен, и свят;
он наш путь на Голгофу,
он Христос и Пилат.

И колеблется платье,
точно пламя в ночи.
Мы с тобою – распятые.
Мы с тобой – палачи.

ВОЗВРАЩАЮСЬ **(стихи о море)**

Жене Асе

Феодосия. Черное море.
Теплоход. Впереди – Коктебель.
Побережье на дальнем просторе.
Это я возвращаюсь к тебе.

Это я возвращаюсь из Кафы,
от старинных исландских баллад,
от созвучия Цвейга и Кафки,
и прибоя, поющего в лад.

Возвращаюсь.

Тревожная влага
мне поет о судьбе киммерян,
о заветной мечте Карадага,
о поэте*, что равен векам.

Возвращаюсь...

Как некогда шкипер,
как-то в море, ушедший один,
чтобы слушать мелодии хиппи
и глухую тоску окарин.

Возвращаюсь.

Ты ждешь меня в шторме,
воплотившем всё это в себе.

Феодосия. Черное море...

Побережье...

Встречай, Коктебель!

*Поэт Максимилиан Волошин.

СТРОФЫ

1

*****

Ты приезжала на каникулы.
Стоял высокий летний день.
От рук твоих тянуло книгами.
И дом твой прятался в сирень.

2

Академик Третьяковский

Академик Третьяковский!
В доме нет ни полена дров...
Академик Третьяковский,
одно горе от тех стихов!

3

*****

Ты обо мне давно уже забыла...
В пучине дней тебя всё нет и нет!
И всё, что жгло и мучило, – остыло,
ушло от нас на много тысяч лет.

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

Из дальнего леса: "Ку-ку".

С улицы: "Ку-ка-ре-ку!"

Вспомнишь и скуку и Кука;

двух голубей на суку;

сон, оказавшийся в руку.

Господи! только б не кукиш!..

Сколько еще на веку?

ПОДРАЖЕНИЕ БАСЁ

*****

Обратил я взор к желудку своему:
там яблоко лежит, красуясь,
в чистом виде.

*****

Мне нравится кушать зерно,
проросшее в длинном кувшине...
Я ем его просто так.

*****

С думой о чистом Ничто
день провожу свой, мечтаю...
печь одиноко топлю.

Зимой на базаре

Посмотри вокруг:
что сделалось с огурцами?!
Повсюду в банках
встречаешь
только их бледные мумии.

ВЫСТРЕЛ ПО БЕРДЯЕВУ
(футурморт)

Коммунист, сняв берданку,
идет стрелять по Бердяеву.
Вот уж, мол, я ему по-бе-ли-бер-дя-ю!
Стреляет.
Выстрел идет от бедра.
Смотрит – ни берда!

В РАЗЛУКЕ
(диптих)

1. По обе...

Светлеют деревья, темнеют дворы;
сорвавшийся лист совершенен и легок.
Единство во всем; только мы до поры
по стороны обе остались дороги.

По стороны обе – добра и любви
и зла повседневного, тоже, по обе.
По обе Вселенной, – ты только люби,
люби, как ребенка любила в утробе.

Сейчас, когда осень, как совесть, велит
собраться со всем, с каждой ветвью особо,
хочу я признаться, что мир не велик,
когда мы вот так, в одиночку, по обе.

Я долго не сплю, и, я знаю, – не спишь:
бессонницы что-то у нас на подобье;
и страшно не это, не это, а слышь,
пойдут баррикады – мы будем по обе.

Темнеют деревья, светлеют дворы...
И ночь наступает легко, не по злобе.
Единство во всем, только мы до поры
еще остаемся

по обе...

по обе...

2. Целую

В тот день, когда я уезжал,
в тот день, а ты не уезжала,
тебя я не поцеловал
у стен холодного вокзала.

Бежал, бежал вагона вдоль,
устал – нанизываньем станций.
И жизнь ставала через боль
тем незаполненным пространством.

Я спал... а, может быть, не спал.
Лежал на краешке Вселенной.
И, знаешь, я совсем устал
от жизни, будто бы мгновенной!

Целую. Я целую всё,
что мне завещано тобою:
и эти руки, и лицо,
и воздух, что над головою.

И то, что я еще допреж
не целовал в минуту злую:
в глаза целую,

с краю,

меж...

целую, милая,

целую!

За всю оставшуюся жизнь,
за жизнь, что выразится после:

целую в – ...

целую – ... из;

пока не поздно...

поздно...

поздно...

ИОНЫЧ НОЧЬЮ

(реминисценции)

Ионыч ночью у Деметти
стоит на кладбище один.
Совсем один на белом свете
с наивной верою мужчин.

С наклоном в город спит извозчик.
Вздыхает Котик в полусне.
Чего он, собственно, хлопочет?
Кого он ищет при луне?

Он там стоит. Он призрак ночи.
Он ночи выпавшей сродни.
В контексте ночи он – Ионыч
(читай с обратной стороны).

Ионыч ночью. Ночь. Ионыч.
Извозчик. Улица. Фонарь.
Кого он ждет? Чего он хочет?
О человек, о Бог, о царь!

Но уж светло... Скорее в город:
туда, где руки, губы, шаль;
туда, где был когда-то молод,
туда, где молодости жаль.

В сквозном проеме коридора,
несясь в заветные круги,
что он слышал? Командора? –
пустого Котика шаги?

ГОРОД КАНТА

Не оставили камня на камне.
Город пуст. Город полон камней.
Они падали. В память о Канте
они высекли море огней.

Они высекли, в небо подьемля,
его улочку, дом, Кёнигсберг...
Даже башню с часами, где время
с его шагом сверяло свой бег.

Они высекли с громом и медью
его имя и тень палача;
его немощь, когда перед смертью
он поднялся при входе врача.

Он поднялся и, стоя при входе,
напрягая все силы в борьбе,
удержался...

чтоб после в народе
говорили про "вещи в себе".

ТРИТОНЫ В БАНОЧКЕ

*... что может собственных Платонов
и быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

М.В. Ломоносов

1

О, мать-земля моя, рождала ты Ньютонов,
когда я удочкой ходил ловить тритонов.
В досугах утренних не знал я лучшей доли,
там тщлась душа моя – "открытие сделать, что ли?!"

2

Цветущей улицей ведет дорога в поле.
Следить за удочкой и думать: "Как там в школе?!"
Вновь в школе нет меня. Я мученик досуга.
С какой же радостью сейчас пытаются друга!

3

Но в школе нет меня. За полем область луга.
Уж день кончается и леску рвет упруго.
Взалевший ветреник не снял еще попоны.
В стеклянной баночке трепещутся тритоны.

4

Вот, словом, жизнь моя; но в жизни есть законы
(не знать мне милости, как собственной короны!).
Отец проведает, не скажет даже слова...
Не лучше думать ли о качестве улова?!

Иду и думаю. Печать родного крова.
Опять всё внове мне и всё уже не ново.
Лишь голос матери доносится далече.
Тритоны в баночке колеблет тихий вечер.

ЭЛЕГИИ

I. В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

(УНЫЛАЯ ЭЛЕГИЯ)

Я двор подмел. Собрал плоды с деревьев.
Поджег листву, – запахло октябрем.
Я сел к огню. Отброшен тенью древней,
я сел к нему с сократовским лицом.
Мой друг Платон отправился за пищей.
Ушел легко меж красок и фигур.
Я жду его, оставшись с мыслью высшей
о том, что я мудрец и балагур.
О том, что я давно оставил Землю,
вошел сюда: в прекрасный мир Идей,
о том, что я Платона жду и дремлю,
смотрю в огонь и делаюсь мудрей.

"Платон мне друг, но истина дороже",
дороже жизнь платоновских идей,
дороже мысль, но форма мысли тоже;
с людьми дороже, если без людей.

В один из дней мы бросили искусство.
Ушли легко от звуков и скульптур.
Уж сколько лет! Но я иду от чувства.
Недаром я мудрец и балагур.

Мой вещий дух над площадью базаров.
Мой пылкий ум от холода ступней.
Я сын Земли, я все-таки недаром
прожил свой век, назначенный на ней.

Идет Платон. В руках его лепешки...
Кувшин с вином, разбавленным водой.
Мы пьем вино, болтаем понемножку

о том, о сем, о бренности людской.
Нам хорошо. Мы здесь не только тени, –
мы здесь Душа, объемлющая мир.
Мы здесь – ничто, мы – всё здесь, мы над всеми!
Мы здесь вдвоем огромный правим пир.
Я говорю, что всё познал на свете,
что раньше знал, что ничего не знал.
Платон молчит. Он медленен в ответе.
Он понял всё, что я ему сказал.

Над миром ночь. Платон читает мысли.
Вдали звезда и дальний свет Афин.
Былые дни над городом зависли...
и вот их нет, и я сижу один.
Совсем один. И пахнет чем-то древним,
и что-то я не вымолил из тьмы.
Я двор подмел. Собрал плоды с деревьев.
Я жду зимы... я просто жду зимы.

II. ИОСИФУ БРОДСКОМУ (ВЕСЕЛАЯ ЭЛЕГИЯ)

Но знаешь: не вельть ли в санки...
А.С. Пушкин

Большой поэт живет в Нью-Йорке.
Нью-Йорк велик, он не задворки.
В Нью-Йорке есть дома, картины.
В картинах – жизнь, в домах – гардины.

Большой поэт живет в Нью-Йорке.
Читает вслух свои подборки.
Ложится спать, готовит кофе;
включает телик, смотрит «профи».

Большой поэт. Огромный город.
Был Ленинград, и был он молод.
Писал стихи, – был дар ниспослан.
И за стихи поэт был сослан.

Он помнит суд, царящий в зале;
и женщин двух: одна – в вуали.
Господ в пенсне, держащих слово,
и на задке Козьму Пруткова.

Весь мир – театр времен Шекспира.
Был приговор. Смолчала Лира.
Потом домой плелись, как совы,
все фамусовы, хлестаковы.

У входа в суд хватали шубы
скотинины и скалозубы,
молчалины и селифаны,
мундирчики и сарафаны.

Им не понять, что дар от Бога,
что есть на свете сила Слога;
что есть на свете чудо Звука;
что просто жить – такая скука!

Был Ленинград. И был он молод.
Сейчас зима. В Нью-Йорке холод.
На Мортон-стрит в глухой осаде
поэт живет* как в Ленинграде.

Идет в кино, глядит в газету, –
он помнит всё, забвенья нету.
Свои стихи былому стону
он посвящает Джону Донну.

Живет поэт в большом Нью-Йорке.
Живет как Бог в своей каморке.
В прихожей снег и мех из норки.
Но знаешь: не задать ли порки
великолепному истцу?!

Хоть, право, мы пришли к концу.

* Стихотворение писалось, когда поэт был еще жив

ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС

Епифанию Премудрому посвящается

В безбрежном мире слов,
столетий, коих лес,
плетение веков,
плетение Словес.

Превыше всех мостов,
больных гортаней, чресл –
плетение Веков,
плетение Словес.

И нет таких основ,
и истин вечных без –
плетения Веков,
плетения Словес.

И, кажется, исчез...
и нет тебя, но шов –
в плетении Словес,
в плетении Веков.

И будет день таков,
что весь вместится вес
плетения Веков
в плетение Словес.

И, может, вне завес
мой голос встретит зов
плетения Словес
в плетении Веков.

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ **(поэма-пьеса в миниатюре)**

*У постели тяжело больного Ленина сидит Горький.
Разговаривают.*

Ульянов (Ленин). Ездите на Капри?

Писатель Горький. Не было б причин...

Ульянов (Ленин). Вот, глотаю капли...

Писатель Горький. Вы у нас один.

Ульянов (Ленин). Как там за границей?

Писатель Горький. Всё само собой.

Ульянов (Ленин). Сплю, и ночью снится

улыбка Маркса и всемирный бой.

Писатель Горький. Нужно Вам беречься...

Ульянов (Ленин). Значит, Маркс не прав?

Писатель Горький. Дать страстям улечься...

Ульянов (Ленин). Не таков уж нрав.

Писатель Горький. Бельгия и Лондон...

Ульянов (Ленин). Помнят ли меня?

Писатель Горький. Очень даже помнят!

Ульянов (Ленин). Вот уж я свинья...

Писатель Горький. Слышал о терроре.

Ульянов (Ленин). Слышали? И что ж?

Писатель Горький. С Сталиным в раздоре.

Ульянов (Ленин). Этот – в спину нож!
Писатель Горький. Тюрьмы, тюрьмы, тюрьмы...
Ульянов (Ленин). Это ничего.
Писатель Горький. Понимаю, бурный
процесс очистки; больше ничего.
Ульянов (Ленин). Вспоминаю ссылку.
Писатель Горький. Шушенское, что ль?
Ульянов (Ленин). Ветер, степь, развилку...
Писатель Горький. В этом-то и соль...
Ульянов (Ленин). Что-то Вы сказали?
Писатель Горький. (Кашляет в ответ).
Ульянов (Ленин). Да, мы проиграли.
Писатель Горький. Может быть, и нет?
Ульянов (Ленин). Всё же... всё же... всё же...
Писатель Горький. Надо побеждать!
Ульянов (Ленин). Что всего дороже?
Писатель Горький. Родина и Мать.
Ульянов (Ленин). Нужная нам книга.
Писатель Горький. Что еще писать?
Ульянов (Ленин). Снился поп-расстрига;
кому не знает душу отдавать.
Писатель Горький. Сны и всё такое...
Ульянов (Ленин). Кое-что в них есть.
Писатель Горький. Думаю, пу-у-сто-е!
Ульянов (Ленин). Думаю, что мечь.
Писатель Горький. Как жена-супруга?
Ульянов (Ленин). Вроде ничего.
Писатель Горький. Вот еще... услуга...
Ульянов (Ленин). Что еще? Кого?
Писатель Горький. Тут вот, Короленко...
Ульянов (Ленин). Я уже сказал.
Писатель Горький. Многих ставим к стенке.
Ульянов (Ленин). Я не приглашал.
Писатель Горький. Зря царя убили.
Ульянов (Ленин). Может быть, и зря.

Писатель Горький. Пусть бы себе жили
Ульянов (Ленин). Долго жить нельзя.
Писатель Горький. Помните, у Маркса...
Ульянов (Ленин). Человек – продукт?
Писатель Горький. Да... чем люди старше...
Ульянов (Ленин). Вы однако ф'укт!
Писатель Горький. Я вас уважаю.
Ульянов (Ленин). Было бы за что.
Писатель Горький. Сам, за что, не знаю.
Ульянов (Ленин). То-то и оно.
Писатель Горький. Ну, теперь пора мне.
Ульянов (Ленин). Доброй Вам судьбы.
Писатель Горький. Вы ведь мой наставник.

смех в момент ходьбы.

ЗАНАВЕС

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

ОДНА НОЧЬ ИЗ ЖИЗНИ ЛЕОНАРДО

Посвящается жене

Сегодня Леонардо стукнуло пятьдесят. Не спалось. Леонардо встал и зажег свечи. Легкие тени, словно призраки былых дней, неожиданно явились перед ним. Леонардо поднял подсвечник и прошелся по комнате.

Полувековой свой юбилей художник праздновал сам. Не было у него ни друзей, ни денег, ни славы. Совершенно один с поднятым тяжелым подсвечником в руке обходил он теперь свои творческие несметные сокровища. То были его друзья, его деньги, его слава...

На минуту мудрый старик остановился у зеркала. Из глубины зеркала взблеснул ему так хорошо чувствуемый, но малопонятный ему незнакомец. Это был он сам. Мысль эта донеслась к нему с какой-то молниеносной скоростью движения вдохновенной кисти. Он сделал один мысленный мазок... другой... Сейчас он сотворял свой первый автопортретный шедевр. Кисть изымалась им где-то из глубины бесконечной вселенной, затем она тщательно наносилась на воображаемое полотно... – выходило нечто крайне занятное и высшей степени неподражаемое.

Художник замер. На его глазах сам собою впервые вырисовывался портрет несчастного. Но что это?! он как бы женщина! Чуть тронутые улыбкой губы, глаза... Художник провел подсвечником, перекладывая его из руки в руку... загадочное полотно осветилось еще ярче... О нет, нет! ... он собирается рассмеяться... маэстро душит смех!! Но вдруг набежавшая откуда-то из мрака темноты Вселенская скорбь приглушает беспричинный смех художника. Художник не то улыбается, не то скорбит.

Вот он теперь весь уже подведен к своим глазам. Глаза смотрят искоса, но на кого? Это он сам смотрит на себя. Какой пронзительный, какой страстный самовзгляд! О Господи! как испытующе долго он смотрит на самого себя! Прочь, прочь от этого ужасного испытующего самовзгляда! Но вместо того, чтобы бежать, художник всё ближе и ближе подступает к своему отражению в зеркале. Здесь он так еще молод! Но это не он, не он! Кто же это?!?

Подсвечник падает из его рук... пламя от свечей перебрасывается на книги, портреты, эскизы... всё горит...

Леонардо в страхе просыпается.

В дверь стучат.

Голоса за дверью.

- Здесь проживает художник Леонардо да Винчи?
- Да, здесь.
- Велено вам передать, что товар ваш заказчиком не принят.

Холодный стук деревянной рамы о порог... удаляющиеся шаги.

Леонардо стоит в открытых настежь дверях.

Солнце Флоренции светит ему прямо в глаза.

"Эй ты, купец дель Джокондо! – хочется крикнуть ему на всю Италию. – Какой же ты молодец, купец дель Джокондо! Какая же ты умница, купец дель Джокондо, что не находишь сходства между своей женой и моим портретом! Да, да, моим портретом... Прощай же, купец дель Джокондо! С днем рождения, Леонардо!".

ИСКУШЕНИЕ ИИСУСА, или ИИСУС НА КРЕСТЕ

Подходила к завершению проводимая Иисусом сороковая ночь в пустыне.

– Пить, пить, – взалкал Иисус, и кто-то невидимый вовсе смочил Его губы чем-то влажным. "Это дьявол", – подумал Иисус и с болью оглянулся.

Все тело Христово за время поста страшно обессилило. Руки и ноги Его были как будто прикованными. Но мысли были ясными, как никогда. Дьявол приближался.

"Две заповеди Я знаю точно, – молниеносно пронеслось у Него в голове, – а третью Я позабыл..."

– Не думай, не думай, – раздался голос дьявола позади Иисуса, – я не стану искушать Тебя давно уже известным. Я знаю, что Ты ответишь мне на это: не хлебом единым жив человек и никому не поклоняйся и не служи, кроме Бога одного. А

сделай-ка Ты лучше вот что. Видишь, вон там находится огромная скала. Стань на ее вершину и бросься оттуда вниз головой. Если Ты Сын Божий, то ангелы подхватят Тебя!

Иисус позабыл, совершенно позабыл, что Он должен сказать на это. Он подошел к уступу пропасти и... бросился.

Теперь он летел, летел вниз головой и никакого спасения явно Ему не предвиделось. Иисус ощущал сумасшедшую скорость Своего полета. Черные скалы безутешно окружали Его.

– Боже! Боже Мой! – взмолился Иисус. – Почто Ты Меня покинул?!

И в тот же момент Он почувствовал весь, что вспомнил спасительные слова на искушение диявола!

– Не искушай Господа Своего! Не искушай Господа Своего! – разом и вдруг вырвалось у Него из груди. И еще раз повторил Он, совершенно обессиленный. – Не искушай Господа Своего!

Как тут внезапно – со всего размаху – налетел Он на что-то неустраимо острое и больно ударился о него прямо местом чуть повыше левого ребра. На миг Он приостановился в Своем страшном падении. Ангел Божий предстал перед Ним и стал медленно приподнимать Его, направляясь с Ним вместе ввысь.

"Свершилось", – подумал Иисус и почувствовал, как блаженная легкость начинает наполнять Его члены. Вот Он уже пролетел и то место, вниз с которого прыгнул... Всё вверх и вверх устремлено было Его изможденное, но какой-то странной силой обновленное тело.

... Все царства мира были под пятой Иисусовой. Царь Иисус поднимался теперь из страшной бездны человеческой и летел в обетованные Небеса Бога. Это был Его самый великий и бессмертный полет.

– Готов, – послышался голос угрюмого воина, и он отнял копьё свое от груди Иисусовой.